

«Маленькая» личность на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова

Аннотация. В статье на основе ранее не введенных в научный оборот архивных документов ГА РФ, Центрального государственного исторического архива Украины и Национального архива Республики Карелия предпринимается попытка реконструкции отдельных событий жизни сельского учителя Ильи Николаевича Фролова, оказавшегося вовлеченным в движение революционного народничества 1870-х гг. на Украине. При рассмотрении и анализе имеющихся материалов автор особое внимание уделил выяснению фактов действительной причастности И. Н. Фролова к событиям, связанным с «Чигиринским делом», а также рассмотрению истории пребывания И. Н. Фролова в административной ссылке. Статья написана в рамках методологического подхода *personal history*, позволяющего воссоздать биографию человека «второго плана в истории» в рамках определенного исторического контекста. На основе источников анализируются те методы дознания, которые использовались сотрудниками Третьего отделения против подозреваемых в политических преступлениях. На примере жизни И. Н. Фролова показана трагическая судьба целого поколения российской демократически настроенной интеллигенции, желавшей отдать свой нравственный долг народу, но оказавшейся при помощи царского репрессивного аппарата выброшенной на обочину активной общественной жизни.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, «хождение в народ», «Чигиринское дело», И. Н. Фролов, Н. В. Мезенцов, Третье отделение, крестьянские волнения, жандармское дознание, административная ссылка.

Abstract. On the basis of previously unused in scientific studies archival documents from the State Archive of the Russian Federation, the Central State Historical Archive of Ukraine and the National Archive of the Republic of Karelia, the article undertakes an attempt to reconstruct the specific events in the life of the rural teacher Ilya Nikolaevich Frolov, who found himself involved in the movement of revolutionary populism during the 1870s in Ukraine. Upon examining and analyzing the existing material, the author pays particular attention to the clarification of the facts concerning the actual participation of I. N. Frolov in the events linked to the “Chyhyryn affair”, and also to the examination of the history of I. N. Frolov’s stay in administrative exile. The article is written within the framework of the *personal history* approach that allows to reconstruct the biography of an individual of “secondary importance in history” within the framework of a particular historical context. On the basis of the original sources the author analyzes the methods of inquiry that were used by the members of the Third Section against suspects of political crimes. On the example of the life of I. N. Frolov the author demonstrates the tragic fate of a whole generation of Russian democratically-inclined intellectuals who wished to return their civic duty to the people, but were ultimately thrown on the sideline of active public life by the repressive imperial apparatus.

Key words: revolutionary movement, populism, “walking to the people”, “Chyhyrny affair”, I. N. Frolov, N. V. Mezentsov, Third Section, peasant unrest, gendarme inquiry, administrative exile.

В современной историографии все более серьезный научный вес приобретает интеллектуальная история. С этим направлением тесно связан персонализированный, или биографический подход – «*personal history*», являющийся традиционно приоритетным при изучении личностного начала в различных областях человеческой деятельности [1]. Причем в последнее время историки активно и продуктивно проецируют данную методологию на реконструкцию биографии или

отдельных событий жизни «маленького» человека, силой обстоятельств втянутого в серьезные исторические процессы [2]. Иногда именно обращение к таким личностям оказывается чрезвычайно эффективным при освещении исторического прошлого.

В контексте генетического единства малого и большого, важного и второстепенного в истории показательна судьба сельского учителя Ильи Николаевича Фролова, невольно оказавшегося втянутым в водоворот событий, связан-

ных с крестьянскими волнениями в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 1870-х гг.

Аграрные беспорядки вспыхнули в связи с проведением в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. новых люстраций (переучета) земель бывших государственных крестьян. Таким способом царское правительство пыталось упорядочить выкупные платежи и налоги. Тогда и родилось основное требование крестьянской массы о переделе всей земли, исходя из размера в 5 десятин на душу. Это желание было тем более обоснованным, что при господствовавшей в данной местности подворно-участковой системе землепользования основное количество удобных земель было захвачено зажиточными крестьянами [3;4].

Положение бедноты осложнялось также тем, что при участковом наделе подушная подать и другие сборы взимались, тем не менее, по душевой раскладке, и платежи были достаточно обременительными. Поэтому беднейшие крестьяне были заинтересованы в переходе к подушному землепользованию. В результате в Чигиринском уезде сформировались две противоборствующие силы: беднота и некоторые середняки, настаивавшие на душевом переделе земель – их стали называть «душевиками», и зажиточная часть крестьянства – «актовики» (подписавшиеся под актами, закреплявшими за ними земельные участки). В качестве лидера «душевиков» большую известность приобрел крестьянин с. Сагуновка Ф. Д. Прядко [5].

Немаловажно, что волнения чигиринских крестьян по времени совпали с пиком «хождения в народ». Активные действия пропагандистов-народников начались весной 1874 г., а летние месяцы вошли в историю народничества, как «шаловое лето». Массовым движением радикальной молодежи по полицейским оценкам была охвачена 51 губерния [6, с.42]. Масштабный характер оно носило и на юге России, где его центрами являлись Киев, Харьков и Одесса, но именно Киев стал своеобразной отправной точкой для движения революционеров вглубь Украины.

В это беспокойное время в с. Шабельники Чигиринского уезда, являвшееся одним из очагов крестьянских беспорядков, в местную сельскую школу на должность учителя поступил И. Н. Фролов. Как лицо публичное он не мог не иметь контактов с рядовым населением и поэтому сразу оказался объектом пристального внимания со стороны властей, встревоженных ростом

протестных настроений в Шабельницком уезде. В силу своей образованности и свободного образа мысли Фролов пользовался популярностью среди местных жителей, а на его квартире часто собирались крестьяне, которых он якобы «подстрекал к неповиновению» [8, с. 208].

Доверие к учителю, как носителю недопустимого простому мужику таинства печатного слова было исконно присуще российскому крестьянству. К тому же И. Н. Фролов демонстрировал открытость и желание участвовать в общественной жизни села. Как представитель «поколения 70-х» он стремился лучше понять деревенский мир, с головой погружившись в народную стихию. Его контакты с шабельницкими крестьянами взаимно обогащали друг друга, тем более что события на Чигиринщине происходили неординарные.

Власти, обеспокоенные продолжающимися волнениями, сопряженными с отказом крестьян платить, по их мнению, несправедливые подати, начали склоняться к принятию крайних мер. Киевский губернатор Н. Н. Гессе 6 апреля 1875 г. обратился к генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову с предложением разместить войска в волостях, проявлявших неповиновение. Эту инициативу Дондуков-Корсаков всецело поддержал и сообщил в ответ, что попросит «командующего войсками Киевского округа расположенный в Златополе драгунский полк передвинуть на время полкового сбора на местные квартиры в Чаплинскую, Боровицкую и Шабельницкую волости» [9, с. 62]. По прибытии этих войск, – писал он, – я покорнейше прошу ваше превосходительство назначить крестьянам для взноса выкупных платежей и других податей самый короткий срок и, если за сим они не внесут недоимок, приступить к взысканию таковых немедленно, а в случае сопротивления обратиться к содействию военного начальства. Я полагаю, что присутствие ваше на месте было бы полезно» [9, с. 62–63].

Выполняя поручение, Н. Н. Гессе лично прибыл в Шабельники и потребовал от крестьян взноса в трехдневный срок всех недоимок, однако это мало что изменило. Из протокола, составленного помощником пристава, видно, что в день приезда губернского начальства состоялся волостной сход, на котором крестьяне решительно заявили, что не примут люстрационных актов и платить по ним ничего не будут до тех пор, пока не увидят на них собственноручную подпись Государя Императора.

Не найдя взаимопонимания с жителями Чигиринского уезда, губернатор решился на использование войск для устрашения последних. Для наведения порядка в Шабельники 28 апреля были введены два эскадрона Рижского драгунского полка. На собранном под прицелами ружей новом сходе крестьянам еще раз попытались разъяснить незаконность их действий, и когда отдельные из них заявили, «что принимают участие в беспорядках лишь по принуждению остальных, то таковым предложено было выйти из толпы и стать в сторону. Едва некоторые последовали этому предложению, как стоявший в толпе Митрофан Душейко начал грозить им; было отдано приказание его арестовать, вместе с шабельницким волостным старшиною Прудким. Когда арестованных вывели за фронт, то толпа бросилась их освобождать, но не была к тому допущена солдатами» [10].

Не удивительно, что власти в организованном и длительном сопротивлении крестьян заподозрили руку революционеров, тем более что народническая пропаганда покрыла всю Украину густой сетью кружков. В свете возраставшей революционной активности гражданским чиновникам и полицейским служащим фигура народного учителя казалась одной из самых одиозных и подозрительных. В провинциальной глубинке любой новый образованный человек, тем более, сельский учитель, априорно подозревался уездным исправником или же священником в антиправительственной крамоле. Добавив к сказанному негативную для правящего режима политическую ауру тех мест, в которых начал учительствовать И. Н. Фролов, можно понять под каким пристальным контролем со стороны местной администрации он должен был оказываться. Впрочем, И. Н. Фролов поначалу этим особенно не тяготился и не таился, искренне полагая, что ничего противозаконного не делает. Однако его пребывание в селе и частые контакты с крестьянами привлекли внимание губернских и уездных чиновников.

Не будем забывать, что начатое 4 июля 1874 г. дознание «О пропаганде в Империи» постепенно набирало обороты. Руководившие его ходом начальник Московского губернского жандармского управления (ГЖУ) И. Л. Слезкин и прокурор Саратовской судебной палаты С. С. Жихарев придали делу всероссийский масштаб, объединив в его рамках всех участников революционных кружков, откликнувшихся на призыв «идти в народ». В результате, искусствен-

но сконструированное дело быстро разрослось до гигантских размеров. По разным оценкам, арестовано было от 4 до 8 тысяч человек [11, с. 157; 12, с. 77].

Массовые аресты реальных и мнимых пропагандистов по всей России, с одной стороны, должны были стать шагом по карьерной лестнице для лиц, ведущих это дело, но, с другой стороны, не спадающая волна арестов изрядно напугала правящую верхушку и окончательно поссорила ее с образованным обществом. В такой нервной обстановке появился первый донос о неблагонадежности И. Н. Фролова. Его автор поп с. Шабельники Татаров в мае 1875 г. сообщил, что толпы крестьян собираются возле квартиры учителя, «который, как человек без веры в бога и ненадежного поведения, подстрекает их к неповиновению властям» и, по свидетельству Татарова, даже «выражал удивление, почему крестьяне не могли отразить драгун» [8, с. 213]. Видимо, духовного пастыря к написанию доноса подталкивали чуждые ему философско-мировоззренческие установки И. Н. Фролова, стоявшего на позициях атеизма и дарвинизма. В частности, он «отвергал существование бога, святость таинств и проводил теорию происхождения людей от обезьян» [13, л.152 об].

Естественно, что в Киевском ГЖУ на подобную информацию отреагировали оперативно. Сложившаяся в стране и регионе ситуация подталкивала власти действовать в репрессивном направлении. Из составленной полицейской справки следовало, что среди «подстрекателей был один сельский учитель Илья Фролов, который подговаривал крестьян отбить у драгун оружие и прогнать их. Этот учитель оказался прикосновенным к политическому делу о преступной пропаганде в народе и давно разыскиваемым жандармским управлением» [14, л. 13–13 об].

Поступивший сигнал фактически «дал отмашку» киевским жандармам на проведение соответствующих следственных мероприятий, результаты которых убедили политическую полицию, что донос на И. Н. Фролова был в первую очередь вызван бытовыми, а если точнее, то матримониальными причинами. Выяснилось, что «неблагоприятные о Фролове сведения распушены местным приходским священником и учительницей Шабельницкой сельской школы Завариловой взиравших на Фролова, уклоняющегося от вступления в законный брак, как на выгодного жениха» [14, л. 27 об]. Однако меха-

низм превращения отдельно взятой личности в объект жандармского дознания уже был запущен, И. Н. Фролов оказался втянут в политическое дело и попал под пристальное внимание блюстителей правопорядка.

Негативную роль в его судьбе во многом сыграли события, связанные с именем дворянина, помещика Г. С. Трудницкого, который тесно сошелся с братьями Жебуневыми. В сентябре 1873 г. по настоянию одного из них он продал свое имение, чтобы, купив новое, завести там образцовое хозяйство. С этой целью он ездил в Самарскую и Саратовскую губернию. Затем в начале 1874 г. поселился в Конотопском уезде Черниговской губернии, где занял место сельского учителя в с. Кошары и жил там вместе с С. А. Жебуневым, который выступал в роли его помощника. Однако летом 1874 г., разойдясь во взглядах с членами кружка «сен-жебунистов», Г. С. Трудницкий неожиданно, без какого-либо видимого повода, выдал их правительству [7, с. 559]. Он «добровольно отправил в III отделение обширнейший донос, в котором не только самым подробным образом изложил все, что видел и знал, но также многое, являвшееся плодом его богатого воображения» [15, с. 55].

Разочаровавшись в народнических идеалах, Г. С. Трудницкий дал развернутые показания, которые позднее стали одним из важнейших кирпичиков при подготовке «процесса 193-х», а в 1874–1875 гг. помогли властям произвести массовые аресты на Украине, в частности, в Одессе и Киеве. Упоминание в показаниях Г. С. Трудницкого некоего Фролова фатальным образом сказалось и на судьбе сельского учителя из Шабельников, хотя до сих пор не установлено тождество реального персонажа истории и человека существовавшего, может быть, только в «голове Трудницкого».

Известно, что в тот период для пропагандистов в основном была характерна «летучая пропаганда», а к «оседлой» (т.е. той, которую, возможно, использовал И. Н. Фролов в роли сельского учителя – *О.М.*) они активно перешли лишь под влиянием собственных неудач, преимущественно с 1876 г. Кроме того, о личности И. Н. Фролова не упоминают мемуары таких непосредственных участников событий, как, например, В. К. Дебагорий-Мокриевич, Л. Г. Дейч, Н. К. Бух, Е. К. Брешко-Брешковская и др. Все это дает основания для сомнений в том, что названный Г. С. Трудницким Фролов и наш сельский учитель были одним лицом.

Подобные казусы связанные с ошибками полиции при идентификации подозреваемых – однофамильцев в то время были явлением вполне обыденным. Так С. М. Степняк-Кравчинский писал о судьбе некоего «Белоусова, являвшегося преподавателем киевской гимназии. Он был арестован летом 1879 г., уволен с должности и выслан на Дальний Север – и все это «по чистому недоразумению»... Единственным прегрешением бедняги была его фамилия – Белоусов, ибо он был однофамильцем человека, с которым полиция его спутала. Дело в том, что за пять лет до этого другой Белоусов был обвинен или заподозрен в ведении пропаганды, среди киевских рабочих, но ему удалось бежать. И вот Белоусову пришлось расплачиваться за грехи своего тезки, которого он не знал и никогда в глаза не видел [16, с. 170–171].

Последующие события, связанные с судьбой И. Н. Фролова, представляют определенный интерес для изучения методов работы органов III отделения. В силу особой важности чигиринских событий и в связи с продолжавшимся «Делом о пропаганде в Империи» к скромной персоне И. Н. Фролова проявил интерес даже сам шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцов.

В донесении ему от 4 июня 1875 г. начальник Киевского ГЖУ генерал-майор А. С. Павлов сообщал: «Мною было получено известие, что учитель сельской школы в с. Шабельниках... Илья Фролов, подстрекает крестьян к сопротивлению законным властям, и объясняет им в превратном смысле распоряжения правительства относительно устройства их быта. Обстоятельство это обратило на себя внимание мое преимущественно потому, что по показанию известного Вашему превосходительству дворянина Трудницкого, некто Фролов, принадлежащий к жебуневской партии, занял должность сельского учителя в Киевской губернии с целью ведения пропаганды; как же за всеми розысками никакого Фролова в числе сельских учителей не оказалось, что впоследствии подтверждено Начальством Киевского учебного округа, поэтому розыски Фролова были прекращены» [14, л. 25].

В связи с открывшимися обстоятельствами интерес к личности И. Н. Фролова пробудился у властей с новой силой. Павлов докладывал начальству о принятом им решении: «Для удостоверения в справедливости этих сведений и тождества означенного Фролова с личностью нами разыскивавшегося, я, по соглашению с Киевским губернским прокурором, командировал

на место происшествия адъютанта вверенного мне управления поручика барона фон Гейкига, и поручил ему произвести совместно с товарищем прокурора Нордштейном, формальное дознание об этих беспорядках на основании 24 ст. Закона 19 мая 1871 г.» [14, л. 25].

Итоги командировки официальных лиц в Чигиринский уезд хотя и пролили свет на причину и характер крестьянских беспорядков, но в отношении сведений о причастности к ним Фролова ничего не дали, «дознание... не подтвердило их основательность» [14, л. 27].

Однако это вовсе не означало, что И. Н. Фролов невиновен с точки зрения властей. А. С. Павлов, признаваясь Н. В. Мезенцову, что «некоторые обстоятельства до сих пор вполне еще не исследованы», далее рапортовал: «Донося Вашему Превосходительству о вышеизложенном имею честь присовокупить, что впредь до разъяснения вопроса, тот ли самый человек Фролов на которого указывал Трудницкий, он обязан подпискою о неотлучке с места жительства» [14, л. 27 об].

О повышенном внимании высших полицейских чинов к чигиринским событиям, и в связи с ними – к личности И. Н. Фролова, свидетельствует телеграмма шефа жандармов от 10 июня 1875 г., в которой он упрекал начальника Киевского ГЖУ «за медлительность доставления этих сведений», и был даже «принужден это поставить на вид генерал-майору Павлову» [14, л.19].

Практически сразу же о И. Н. Фролове был сделан запрос в полицейские учреждения различных губерний, но каких-либо реальных сведений получено не было [14, л.17]. При этом стоит отметить насколько широко была раскинута сеть жандармского следствия, и как кропотливо собиралась малейшая информация о противоправительственных элементах. Так что мало-значительность первых сведений не остановила усердия дознавателей, скорее наоборот. Нельзя не учитывать, что все розыскные действия в отношении И. Н. Фролова происходили на фоне крестьянских волнений в Шабельницкой волости, продолжавшихся до конца 1875 года [10]. Все это являлось для властей дополнительным аргументом в пользу версии о внешнем вмешательстве в ход беспорядков. А в связи с не слишком удачными попытками властей обнаружить народного вожака Прядко, скрывавшегося по деревням и бывавшего частым гостем шабельниковских крестьян, интерес полиции к персоне И. Н. Фролова мог только возрасти.

Сохранившиеся данные позволяют судить о том, что он находился под бдительным наблюдением, и сообщения о его пребывании в Шабельниках поступали непосредственно наверх. Об этом, в частности, свидетельствовало сообщение Киевского губернского прокурора от 3 июля 1875 г., что «И. Фролов будто бы спрашивал юнкера драгунского полка Шишкина: “Нет ли в войсках революционного духа?” И, получив отрицательный ответ, сказал: “А нельзя ли его провести?”» [8, с. 213].

Полученная информация еще больше взволновала власти, так как в войсках, расквартированных в селах Шабельницкой волости, было и без того неспокойно. В декабре 1875 г. тот же источник сообщал в Киев, что многие солдаты «не только не содействуют урядникам по взысканию с неплательщиков казенных сборов, а противодействуют им, развращая крестьян и нанося урядникам дерзости, даже терзая их за груди» [8, с. 213].

В сложившейся обстановке, когда дознание не нашло никаких доказательств причастности И. Н. Фролова к организации чигиринских беспорядков и социалистической пропаганде среди крестьян, его все равно решили отстранить от должности учителя и выслать из Чигиринского уезда, дабы лишить местное население возможности общения с ним. Не исключено, что это было связано с судьбой крестьянского вожака Ф. Д. Прядко, чей арест и удаление И. Н. Фролова, по мысли властей, должны были утихомирить недовольных крестьян. Первоначально И. Н. Фролов поселился в местечке Каменка Чигиринского уезда [17, л. 90], но 10 ноября он был переселен из Каменки. Как явствовало из рапорта Чигиринского исправника Панкевича сделано это было по распоряжению киевского губернатора Н.Н. Гессе от 20 октября за № 739 [9, с. 173]. В результате И. Н. Фролов с ноября 1875 г. проживал под надзором полиции в Киеве.

Неусыпное наблюдение за ним принесло свои плоды. В докладе от 5 мая 1876 г. А. С. Павлов сообщал управляющему III отделением о поступившем в полицию заявлении отставного унтер-офицера Балькова, «что Фролов принадлежит к какому-то тайному обществу занимавшемуся распространением противоправительственной пропаганды». В качестве доказательств были представлены два экземпляра запрещенной цензурой книги-утопии С. А. Подолинского «Паровая машина» на украинском языке, в которой изображалось будущее социалистическое общество. В этом утопическом мире земля, заводы и

фабрики стали общественным достоянием, весь продукт труда принадлежит производителям, а директора, выбранные трудящимися артелей, «ничего не крадут» [18]. По словам Балькова, эта книга была дана «ему Фроловым вместе с разными записками и реактивами для писания химическими чернилами и уничтожения следов написанного, на хранение». В результате И. Н. Фролов оказался «подвергнут заключению под стражу в Киевском тюремном замке» [14, л. 74–74 об].

После этого жандармы с удвоенной энергией принялись собирать компрометирующие И. Н. Фролова улики. Дело они повели со всевозможной тщательностью, скрупулезно рассматривая и проверяя каждую бумажку, оказавшуюся в их руках после проведенного у него обыска. Согласования по делу велись на самом высоком уровне, примером чему служит секретная переписка Н. В. Мезенцова и министра внутренних дел А. Е. Тимашева, казалось бы, по совершенно незначительному факту, связанному с личностью И. Н. Фролова. Она как нельзя лучше характеризует сверхсерьезное отношение правящей элиты, включая самодержца, к делу «О пропаганде в Империи». Об интересе к нему со стороны государя писали и сами жандармы: «Император Александр II очень интересовался этим делом, прочитывал показания выдававшихся обвиняемых, очень многих знал по фамилиям», – вспоминал жандармский генерал В. Д. Новицкий [12, с. 81].

15 мая 1876 г. сразу после обыска и ареста И. Н. Фролова Н. В. Мезенцов писал министру внутренних дел о том, что «Киевский губернский прокурор просил о сообщении ему необходимых к дознанию о противоправительственных действиях бывшего сельского учителя Ильи Фролова подлинниках телеграмм, отправленных из Чигирина в Елизаветград 16 и 17 мая 1875 г., так как квитанции в принятии этих телеграмм были найдены у Фролова при обыске. Принимая во внимание, что Фролов арестован и руководствуясь Высочайшим повелением изъясненным в прошении Вашего превосходительства 5 января сего года за № 9, имею честь покорнейше просить Вас... удовлетворить настоящее ходатайство Киевского губернского прокурора и с последующим почтить меня уведомлением, с возвращением прилагаемых двух квитанций в принятии помянутых телеграмм» [14, л. 75–75 об].

Через пять дней в своем ответе А. Е. Тимашев сообщал: «По пересмотру в Телеграфном

департаменте отчетности станции Чигирин за май месяц прошлого года выяснилось, что обе телеграммы «семейного содержания, но за подписью не Фролова, а другого лица» [14, л. 76]. Т.е. собранных против И. Н. Фролова улик было явно недостаточно, потому его не смогли присоединить к громкому «процессу 193-х», приговор по которому был оглашен 23 января 1878 г. Процесс проходил при активном участии 35 присяжных поверенных, включая таких светил адвокатуры, как Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, П. А. Александров и др. На глазах специально приглашенной публики, в том числе, западных журналистов, дело стало буквально «трещать по швам» и разваливаться. К неудовольствию власть предержащих, судьи-сенаторы вынесли обвиняемым очень мягкий приговор [19, с. 26–41].

В такой ситуации дальнейшее содержание И. Н. Фролова под стражей без каких-либо серьезных оснований стало нецелесообразным. Проведя около полугода под арестом, он по распоряжению киевского генерал-губернатора был освобожден и проживал в Киеве под строгим надзором полиции.

Между тем политическая атмосфера в России после окончания «процесса 193-х», выстрела В. И. Засулич в столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова и ее сенсационного оправдания судом присяжных резко накалилась. В течение февраля – марта 1878 г. столица буквально бурлила волнениями, произошло несколько забастовок и студенческих демонстраций [20, с. 72].

Аналогичными событиями отметились и другие студенческие города, в том числе, Киев. В. Д. Новицкий отмечал, что «революционеры, по освобождении лиц, привлеченных к процессу 193-х, уже перешли к активным действиям» [12, с. 90]. 23 февраля 1878 г. силами кружка В. А. Осинского было совершено покушение на товарища прокурора М. М. Котляревского. В марте произошли студенческие волнения в Киевском университете.

Обеспокоенные ростом оппозиционных настроений студенческой молодежи жандармы начали хватать всех, по их мнению, причастных к организации беспорядков. При этом, главное внимание, естественно, уделялось поднадзорным лицам. Арестовали и И. Н. Фролова как «главного агитатора» происходивших волнений. Причем сделано это было совершенно бездоказательно так как сам И. Н. Фролов, не будучи студентом университета и находясь под гласным надзором полиции, едва ли имел непо-

средственное отношение к университетским событиям. Поэтому нет ничего удивительно в том, что к нему, как и многим арестованным студентам было применено право административной высылки, не требующее от органов дознания предъявления наказанным каких-либо доказательных обвинений.

Американский публицист Дж. Кеннан писал об этом праве в весьма уничижительной тональности: «Ссылка административным порядком означает изгнание нежелательного человека из одной части империи в другую без соблюдения каких-либо юридических формальностей, которые в большинстве цивилизованных стран предшествуют лишению прав и ограничений личной свободы... он может быть арестован без ордера на арест, помещен в тюрьму на срок от двух недель до двух лет и затем насильно вывезен в любое место в пределах империи и определен под надзор полиции на срок от одного года до десяти лет» [21, с.233].

В итоге И. Н. Фролов был выслан из Киева по распоряжению Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова «последовавшему с Высочайшего соизволения...от 5 апреля 1878 г. за № 283» [22, л.14], в качестве основания отдачи под полицейское наблюдение указывалось следующее: «... как главный организатор проявившихся в марте месяце 1878 г. волнений в Киевском университете и политически неблагонадежная личность. Кроме того, оказался прикосновенным к делу о преступной пропаганде, и при обыске у него найдены были различные сочинения революционного характера. Выслан в Олонецкую губернию под секретный надзор полиции без срока. Прибыл 14 апреля из Киева. Водворен на жительство в г. Повенец» [23, л.35].

Олонецкая губерния в тот период являла собой типичный «медвежий угол» Российской империи, в котором по оценкам публициста-краеведа С. Н. Приклонского «местная интеллигенция развита очень мало, где есть только невежественное крестьянство и бюрократия, где возможна поэтому сильнейшая эксплуатация массы и где всего необходимее деятельное участие администрации к нуждам населения» [24, с. 105].

В этом отношении Повенец, куда в начале мая 1879 г. прибыли И. Н. Фролов, вместе с М. В. Фидровским представлял собой типичный городок русского Севера. В нем проживало около 500 жителей и не было даже слабого подбоя культурного ландшафта. Можно себе представить уныло текущую жизнь ссыльных в этом

провинциальном захолустье без возможности как-либо самореализоваться. Однако именно в этом местечке ссыльных киевлян ожидала встреча с «легендой» революционного движения 1860-х гг., автором знаменитой прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневским, который в августе 1877 г. по распоряжению МВД также был выслан в Олонецкую губернию, в г. Повенец [25, с. 334]. Таким образом, в Повенце сложилась весьма представительная группа ссыльных, куда входили М. В. Фидровский, приехавшая к нему из Могилева его невеста, а потом жена Е. С. Свитыч, Д. П. Сильчевский и в которой ведущую роль играл П. Г. Заичневский [24, с. 105–110].

Однако, судя по жандармским документам И. Н. Фролов держался от этой группы несколько отстраненно. Вот, как характеризовали его сами жандармы: «1. Поведения хорошего; трудится – печет хлеб на продажу. 2. К другим лицам, состоявшим под наблюдением относится вежливо, но знакомства с ним не ведет. 3. Вообще в жизни уединяется от людей. 4. При разговоре с ним замечается некоторая ненормальность мысли и среди окружающей среды заметно к нему отчуждение» [22, л. 243].

По-видимому, сам факт административной высылки на Русский север был для И. Н. Фролова тяжелым психологическим ударом. Не будучи идейно выработанным революционером, а скорее «попутчиком», он после ареста и высылки пребывал в состоянии депрессии. Если подлинные революционные натуры такие, как П. Г. Заичневский и не думали складывать оружия, воспринимая ссылку, как еще одно поле битвы с царизмом, то удел таких людей, как И. Н. Фролов был намного более тяжелым.

Фактически в ссылке у них была одна цель – физическое выживание и надежда на возвращение на родину. При этом они оказывались в крайне тяжелой эмоциональной ситуации. Стремясь заслужить право на возвращение из ссылки такие люди ограничивали, либо полностью прерывали контакты с другими политическими ссыльными, и естественно выпадали из их круга. Местное население также смотрело на политических ссыльных подозрительно и какие-либо коммуникации с ним были весьма затруднены. Таким образом, И. Н. Фролов оказался в своеобразном психоэмоциональном вакууме. Он стал чужим и для ссыльных, и для местного населения, оставшись практически в полной изоляции, а это в суровом северном краю было очень тяжелым испытанием.

Если в Повенце политические ссыльные продолжали жить общественными запросами и не думали капитулировать перед властью, то И. Н. Фролов оказался как бы в стороне, от всех мероприятий проводимых последними. Хотя П. Г. Заичневский – опытный конспиратор, человек с ярко выраженными лидерскими качествами, к тому времени уже прошедший сибирскую каторгу и ссылку, сразу же попытался направить жизнь ссыльных киевлян в русло общественно-полезной деятельности. При их помощи он создал в Повенце довольно большую библиотеку, «сделавшуюся центром, привлекавшим к себе не только ссыльных, но и местную интеллигенцию, особенно молодежь» [25, с. 335].

Как отмечал биограф П. Г. Заичневского Б. П. Козьмин, «вместе с ссыльным Д. П. Сильчевским... Заичневский в 1879 г. составил и издал «Каталог Повенецкой общественной библиотеки». П. Г. Заичневский, оставшийся верным своим убеждениям и стремившийся везде, где бы ни находился, сходить с молодежью для пропаганды своего взгляда на революцию, преимущественно стремился использовать библиотеку именно для этого. Естественно, что там шло активное обсуждение и наболевших общественно-политических вопросов и дистанцированность от этих мероприятий И. Н. Фролова еще больше усиливала отчуждение между ним и другими ссыльными, да и уважения к нему со стороны представителей немногочисленного местного образованного слоя скорее всего не добавляло.

Не будем забывать, что рубеж 1878–1879 гг. – это время пика противостояния революционеров и власти и некоторое фрондирование по отношению к существующим государственным порядкам было тогда весьма широко распространено и среди провинциального чиновничества и интеллигенции.

Сборища молодежи в библиотеке привлекли внимание местной администрации и ее закрыли. Вскоре и само сообщество ссыльных, группировавшихся вокруг библиотеки, поредело. В середине июля 1878 г. в Петрозаводск с разрешения властей перебрался М. В. Фидровский с женой. Он получил разрешение работать в Петрозаводской больнице. С 28 февраля по 2 мая 1879 г. в Петрозаводске находился и П. Г. Заичневский, впрочем его уже в апреле 1879 г. отправили обратно в Пове́нец. Однако, все эти перемещения мало затронули И. Н. Фролова, которого даже местный полицейский исправник не рассматривал, как хоть сколько-ни-

будь серьезную политическую фигуру. Вполне возможно, что пребывание в ссылке, да еще в столь тягостной психологической атмосфере сказалось и на его психическом здоровье, хотя свидетельство тому косвенное и только из жандармских источников [22, л. 244].

После того, как весной 1880 г. он подал на имя министра внутренних дел прошение об освобождении от надзора и ссылки повенецкий уездный исправник в ответ на запрос Олонецкого губернатора от 6 мая 1880 г. аттестовал его следующим образом: «... Фролова как сами ссыльные, так и жители г. Повенца и полиция признает за идиота и все устраниются от него, и с первого взгляда на его невзрачную личность, при разговорах с ним заметны ненормальные его умственные способности и не имеет даже природного дара слов в обыкновенных речах, а тем более для агитаторства. Заключение к освобождению безусловно» [22, л. 93].

Пройдя все необходимые инстанции, это прошение привело к постановлению Особого совещания, утвержденному министром 10 января 1881 г. В результате первоначально И. Н. Фролову было разрешено избрать место жительства в других губерниях, кроме столичных, университетских городов и Западного края [7, с. 591]. Из рапорта повенецкого исправника от 26 января 1881 г. явствовало, что «мещанин Илья Фролов, изъявил желание переселиться на жительство в Полтавскую губернию» [22, л. 274]. Однако и здесь судьба в лице полицейского ведомства оказалась к нему неблагоприятной.

Возможно, новые обстоятельства были связаны с царевубийством 1 марта 1881 г. и последовавшей за ним отставкой либеральных министров. В том числе, закончилась карьера министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, при котором в годы «диктатуры сердца» дела многих административно ссыльных действительно были пересмотрены, а сами они возвратились из мест «не столь отдаленных».

Вследствие глобальных политических пертурбаций дело И. Н. Фролова вновь было пересмотрено Особым совещанием. Решением от 31 октября 1881 г. срок надзора был увеличен еще на 5 лет, считая с 9 сентября 1881 г. И. Н. Фролову разрешалось переселиться в любую другую губернию, кроме местностей, состоявших на положении усиленной охраны. К таковым тогда относились Санкт-Петербург с губернией, Москва с губернией, Одесса, Николаев, Ростов-на-Дону, Волынская, Киевская, Подольская и Харь-

ковская губернии и др. В конце концов, согласно отношения Департамента полиции от 4 декабря 1881 г., И. Н. Фролова перевели под гласный надзор полиции в Курскую губернию. В начале февраля 1882 г. он переехал в Курск, где и проживал до окончания срока гласного надзора, контактируя с такими же, как и он, политическими ссыльными С. Арцыбушевым, Н. Беспаловой и др. [7, с. 591].

По отбытии наказания 9 сентября 1886 г. он был подчинен негласному полицейскому надзору, и только в 1894 г. после подачи очередного прошения ему разрешили повсеместное жительство в Империи с правом поступить на государственную службу. Негласный же надзор за И. Н. Фроловым окончательно прекратился лишь согласно циркуляру Департамента полиции от 12 декабря 1903 г. [7, с. 591].

После пережитых превратностей сломленный и больной И. Н. Фролов ни в каких революционных акциях больше не участвовал, да, собственно, и раньше он не являлся настоящим революционером. Образно говоря, И. Н. Фролова поразили «осколки» Чигиринских событий, подтвердив давно известную в России истину, что «от сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Таким образом, казус И. Н. Фролова отнюдь не уникален для отечественной истории последней четверти XIX в. Его жизнь во

многом характерна для российского интеллигента, искренне хотевшего послужить делу просвещения народа. Идея возвращения «неоплатного долга интеллигенции народу», провозглашенная П. Л. Лавровым, подтолкнула в 1870-е гг. многих честных и порядочных людей попытаться реализовать ее на практике. Немалая часть «народолюбцев» искренне хотела именно служения народу, а не революции, но в результате противостояния с российским самодержавием оказалась под пятой полицейского государства. Репрессиями правительства они были быстро изолированы от участия в общественных процессах, пополнив в дальнейшем, в основном после ссылки, ряды земских статистиков, врачей и прочих.

Трагичной оказалась участь людей «поколения 70-х», разделявших светлую веру в русский народ, идеалы социализма и сгоревших в пламени революционной борьбы. Но еще горше судьба таких во многом случайных жертв больших событий, как И. Н. Фролов – обыкновенного сельского учителя, не столько разделявшего передовые идеи, сколько сочувствовавшего им и фактически активно в борьбе не участвовавшего. Он может служить типичным примером «человека второго плана», неумолимой логикой событий затянутого под колеса «локомотива истории».

Библиография:

1. Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 76-100.
2. Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 114–126.
3. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х годов XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 94–99.
4. Терехова С.А. Влияние «Чигиринского заговора» на программно-тактические построения народнической организации «Черный передел» // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 6(30). С. 717–726.
5. Терехова С.А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф. Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1: История идей и история общества. Отечественная история. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2013. С. 69–71.
6. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России (политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. 406 с.
7. Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. Т. 2. 1870-е гг. / Отв. сост. Л.М. Ляшенко. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 696 с.
8. Пойда Д. П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск: МВСО УССР, 1960. 484 с.
9. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків: Видання Центрального архівного управління УССР, 1934. 438 с.
10. Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 96.
11. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. 370 с.
12. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Издательство МГУ, 1991. 254 с.
13. Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор // Центральный державный історичний архів України у м. Києві (ЦДАІК). Ф. 442. Оп. 314. 1875 г. Д. 47. Ч. 2. Л. 152 об.
14. Сведения по Киевской губернии // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 3-я экспедиция. 1875 г. Д. 144.
15. Дейч Л.Г. За полвека. Т. 1. Ч. 1. М.: Колос, 1922. 127 с.

16. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. 575 с.
17. Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор // ЦДИАК. Ф. 442. Оп. 314. 1875 г. Д. 47. Ч. 3. Л. 90.
18. Чесноков В.С. Сергей Андреевич Подолинский. М.: Наука, 2006. 316 с.
19. Троицкий Н.А. Политические процессы в России 1871–1887 гг.: Пособие к спецкурсу. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 180 с.
20. Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М.: Наука, 1983. 189 с.
21. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т. 1. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 390 с.
22. Дело по предписанию МВД, последовавшему по высочайшему повелению об облегчении участи лиц, высланных в Олонецкую губернию по политической неблагонадежности // Национальный архив Республики Карелии (НА РК). Ф. 1. Оп. 10. Д. 55/26. Л. 14.
23. Виноградов В.Н. Материалы по теме «Ссылные Олонецкой губернии». Биографические справки на ссылных. У-Я // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.
24. Пашков А.М. С.А. Приклонский: от царского чиновника до народнического публициста // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 105–115.
25. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М.: Издательство АН СССР, 1961. 767 с.

References (transliterated):

1. Repina L.P. «Personal'naya istoriya»: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii. M.: Nauka, 1999. Vyp. 2. S. 76–100.
2. Maul' V.Ya. Lozhnoe ekho «Chigirinskogo zagovora» v sud'be ober-konduktora Chaikovskogo // Novyi istoricheskii vestnik. 2014. № 4(42). S. 114–126.
3. Terekhova S.A. K voprosu ob istokakh «Chigirinskogo zagovora»: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v nachale 70-kh godov XIX v. // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 4(25). S. 94–99.
4. Terekhova S.A. Vliyanie «Chigirinskogo zagovora» na programmno-takticheskie postroeniya narodnicheskoi organizatsii «Chernyi peredel» // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. № 6(30). S. 717–726.
5. Terekhova S.A. Iz istorii agrarnogo dvizheniya v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v.: krest'yanskiy vozhak F. D. Pryadko // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy / Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ch. 1: Istoriya idei i istoriya obshchestva. Otechestvennaya istoriya. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. S. 69–71.
6. Troitskii N.A. Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoi Rossii (politicheskie protsessy 1871–1880 gg.). Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1976. 406 s.
7. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Spravochnik i elektronnyaya baza dannykh. Vtoraya polovina 1850-kh – 1890-e gg. T. 2. 1870-e gg. / Otv. sost. L.M. Lyashenko. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009. 696 s.
8. Poida D. P. Krest'yanskoe dvizhenie na pravoberezhnoi Ukraine v poreformennyi period (1866–1900 gg.). Dnepropetrovsk: MVSU USSR, 1960. 484 s.
9. Materiali do ictorii selyans'kikh revolyutsiinih rukhiv na Chigirinshchini (1875–1879 pp.). Kharkiv: Vidannya Tsentral'nogo arkhivnogo upravlinnya USSR, 1934. 438 s.
10. Chigirinskoe delo (po ofitsial'nym istochnikam) // Kievlyanin. 1877. № 96.
11. Troitskii N.A. Krestonosty sotsializma. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2002. 370 s.
12. Novitskii V.D. Iz vospominanii zhandarma. M.: Izdatel'stvo MGU, 1991. 254 s.
13. Kievskii, podol'skii i volynskii general-gubernator // Tsentral'nyi derzhavnyi ictorichniy arkhiv Ukraini u m. Kiev (TsDIAK). F. 442. Op. 314. 1875 g. D. 47. Ch. 2. L. 152 ob.
14. Svedeniya po Kievskoi gubernii // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF). F. 109. 3-ya ekspeditsiya. 1875 g. D. 144.
15. Deich L.G. Za polveka. T. 1. Ch. 1. M.: Kolos, 1922. 127 s.
16. Stepanyak-Kravchinskii S.M. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya // Stepanyak-Kravchinskii S.M. Sochineniya. V 2-kh t. Т. 1. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 575 s.
17. Kievskii, podol'skii i volynskii general-gubernator // TsDIAK. F. 442. Op. 314. 1875 g. D. 47. Ch. 3. L. 90.
18. Chesnokov V.S. Sergei Andreevich Podolinskii. M.: Nauka, 2006. 316 s.
19. Troitskii N.A. Politicheskie protsessy v Rossii 1871–1887 gg.: Posobie k spetskursu. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2003. 180 s.
20. Tvardovskaya V.A. N.A. Morozov v russkom osvoboditel'nom dvizhenii. M.: Nauka, 1983. 189 s.
21. Kennan Dzh. Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.). Т. 1. СПб.: Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITS, 1999. 390 s.
22. Delo po predpisaniyu MVD, posledovavshemu po vysochaisheму poveleniyu ob oblegchenii uchasti lits, vyslannykh v Olonetskiy guberniyu po politicheskoi neblagonadezhnosti // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Karelii (NA RK). F. 1. Op. 10. D. 55/26. L. 14.
23. Vinogradov V.N. Materialy po teme «Ssyl'nye Olonetskoj gubernii». Biograficheskie spravki na ssyl'nykh. U-Ya // Arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN. F. 1. Op. 1. D. 13. L. 35.
24. Pashkov A.M. S.A. Priklonskii: ot tsarskogo chinovnika do narodnicheskogo publitsista // Novyi istoricheskii vestnik. 2009. № 2 (20). S. 105–115.
25. Koz'min B.P. Iz istorii revolyutsionnoi mysli v Rossii. Izbrannyye trudy. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 767 s.